

Дарчиева Светлана Валерьевна

НАЦИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В РАБОТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ (1906-1917 ГГ.)

Статья посвящена деятельности северокавказских депутатов Государственной думы Российской империи в решении национального вопроса. Проанализировав значительное количество источников, автор приходит к выводу о высокой активности народных избранников I и II Думы в разработке аграрных и конфессиональных законопроектов, а также в решении проблем национальной культуры. Однако установление "третьеиюньской" модели представительства в Думе III и IV созывов привело к игнорированию необходимости национального представительства в общеимперском парламенте, что неизбежно способствовало стагнации и последующему крушению всей политической системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 74-80. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена деятельности северокавказских депутатов Государственной думы Российской империи в решении национального вопроса. Проанализировав значительное количество источников, автор приходит к выводу о высокой активности народных избранников I и II Думы в разработке аграрных и конфессиональных законопроектов, а также в решении проблем национальной культуры. Однако установление «третьеиюньской» модели представительства в Думе III и IV созывов привело к игнорированию необходимости национального представительства в общеимперском парламенте, что неизбежно способствовало стагнации и последующему крушению всей политической системы.

Ключевые слова и фразы: Государственная дума; депутаты; Северный Кавказ; Терская и Кубанская области; реформы; национальный вопрос.

Дарчиева Светлана Валерьевна, к.и.н., доцент

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
svetik-dar70@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В РАБОТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ (1906-1917 ГГ.)[©]

Национальный вопрос в современной России носит фундаментальный характер, а в последнее время приобретает и особенную остроту. Обеспечение межнационального согласия является, без преувеличения, важнейшим условием внутренней безопасности Российской Федерации, и для его достижения необходимо изучать и использовать тот богатый исторический опыт, который накоплен народами нашей страны в решении многих проблем межнациональных отношений.

Российская империя объединяла более ста народов, находившихся на различном уровне социально-экономического и культурного развития. Значимость и острота национального вопроса особенно возросли в годы революций (1905-1907 и 1917 гг.) и Первой мировой войны (1914-1918 гг.), когда революционное движение масс тесно переплеталось с национально-освободительным. В стране проводился курс на насильственную русификацию, притеснение национальных культур, ущемление экономических прав национальной буржуазии, отказ от обучения на родном языке. Часто национальные и религиозные противоречия проявлялись в острых межнациональных конфликтах (армяно-азербайджанская резня, кровавые столкновения между казаками и чеченцами, осетинами и ингушами, еврейские погромы и т.д.).

Историческим назначением и главной задачей Государственной думы явилось выведение страны из глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса. Объективная оценка реальных событий, происходивших в стране, была высказана историком и депутатом кадетской фракции А. А. Кизеветтером: «Властвовать над Россией при помощи военной силы можно еще и без Думы; но управлять Россией, то есть правомерно регулировать жизненные процессы великой страны – без Думы уже невозможно» [17, с. 194].

В связи с созданием российского парламента регионы и народы страны впервые получили выборное представительство. Однако число представленных в Думе народов и уровень их представительства колебались, отражая общую тенденцию к сокращению. В общем списке членов Думы четырех созывов было представлено 35 национальностей. Но только представители 14 народов стали «думскими», т.е. были стабильно представлены во всех 4-х Государственных думах: русские, украинцы, поляки, белорусы, евреи, татары, немцы, литовцы, азербайджанцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и эстонцы [11, с. 3].

Образование Государственной думы осуществлялось силами, на деле несколько не заинтересованными в ее эффективном функционировании. Именно это во многом предопределило возможности народного представительства в сфере законотворчества и плодотворной реализации своих решений. В свою очередь, указанные обстоятельства не могли не влиять на состояние национального вопроса и эволюцию национальной политики. Обе первые Думы вряд ли могли бы оказать какое-либо влияние на политику правительства, ибо Совет Министров был ответствен только перед императором; к тому же думская законодательная компетенция блокировалась консервативной верхней палатой (Госсоветом), правом вето императора и перекрывалась чрезвычайным законодательством.

Проводя имперскую политику, Дума (начиная с III созыва) из фактора объединения демократического движения различных наций все более стала превращаться в фактор его разобщения по национальному принципу. В Думе сложились депутатские объединения двух типов: партийные фракции и группы (конституционно-демократическая, трудовая, социал-демократическая) и национально-региональные группы. Национально-региональные группы не были однородными и формировались по нескольким принципам: этнотерриториальному, этноконфессиональному (мусульманская), этносословному (казачья группа) и региональному.

Эти группы требовали национального и конфессионального равенства, предлагали развитие местного самоуправления. В противовес этим фракциям в III и IV Думах была организована русская национальная

фракция. Эта правомонархическая группа поддерживала имперскую политику. Они выступали против остатков особого правового уложения на окраинах империи; против евреев, поляков, немцев, выходцев из Финляндии и Кавказа, вообще против всех «чужаков» и ратовали за усиление русской нации, за доминирующее положение русского языка и православной церкви [1, с. 15]. И, наконец, третья часть депутатов-националов, хотя и симпатизировала национальным движениям, но не записывалась в национальные фракции, а входила в состав общероссийских думских политических фракций (кавказские депутаты в социал-демократической и трудовой группах I и IV Дум).

В центре внимания депутатов от Северного Кавказа были жизненно важные вопросы российской действительности: аграрный, демократизация политической жизни и проблема национально-религиозных взаимоотношений. Сосредоточение множества народов на небольшой территории, дефицит земель порождали неизбежные конфликты, непонимание между ними. Проблема земельных отношений неизбежно связывалась с положением национальностей. Обсуждение аграрных проектов впервые ярко показало корни межнационального противостояния в регионе. Хронический дефицит пригодной для сельскохозяйственных нужд земли на Северном Кавказе издавна порождал конфликты. Активизация переселенческой политики еще больше обострила межнациональные отношения между переселенцами из центральных районов России и местными жителями. Северокавказские депутаты Т. Э. Эльдарханов, А. П. Маслов, Г. А. Горбунов, П. П. Димиров, Ф. Оникко и др. прямо связывали аграрный вопрос с проблемой национального равноправия, гражданских свобод и регионального демократического самоуправления. Главным пунктом аграрной реформы, вокруг которого развернулась острая борьба, являлся вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель. Принцип этот выдвигался как кадетами (Ф. А. Щербина, К. Л. Бардиж), так и трудовиками (Т. Э. Эльдарханов, А. П. Маслов, Лукин), но не в форме конфискации, а за выкуп. Эсеры, социал-демократы и некоторые прогрессисты выдвигали требования уничтожения крупного и частного землевладения (И. П. Покровский 2-ой, П. С. Ширский, Л. Ф. Герус).

Сложный сам по себе, аграрный вопрос на Северном Кавказе приобретал особую остроту, переплетаясь с национальными и социальными проблемами. Этому во многом способствовало правительство Российской империи, которое проводило антинародную внутреннюю политику, а в национальных окраинах – вдобавок еще и дискриминационную в отношении к нерусским народам. Так, например, во Владикавказском округе власть в принудительном порядке скупала у местной феодальной знати несколько тысяч десятин земли для последующей передачи её переселенцам из внутренних губерний России [10, с. 73]. На это обращали внимание депутаты самых разных политических групп с трибуны Думы. Депутат от Терской области А. П. Маслов в прениях по аграрному вопросу в июне 1906 г. отметил, что «основным противоречием здесь (*в Терской области – С. Д.*) является крайне неравномерное распределение земли между казаками, местными крестьянами, землевладельцами и пришлым русским населением, т.н. иногородними» [2, стб. 992].

Депутат от Терской области Т. Э. Эльдарханов неоднократно говорил об особой остроте земельного вопроса. Область эта делилась на две части: плоскостную и горную. На плоскости в наихудшем положении находились осетины, чеченцы и ингуши, имеющие на одну душу от двух до трех десятин земли. Но еще тяжелее приходилось жителям нагорной полосы области: «Насколько велики пространства земли, годной для обработки в этой части области, можно судить по следующим данным: в территории, занятой горскими обществами Нальчикского округа, другой земельной меры не существует, кроме следующих: “Кулач” – 2 аршина, “Аяк-Узун” – длина ступни ноги, “Гебен-Орун” – место, дающее одну копну сена. Эти участки пахотной земли недостаточны для прокормления населения. Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге – полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе» [3, стб. 80].

С начала работы Думы при обсуждении содержания думского ответного адреса на царскую тронную речь проявилась острота национальных проблем. Ответный адрес должен был представлять «заявление о политических намерениях» большинства новоизбранной Думы. В заявлении сразу же было обозначено программное требование, в котором предлагалось начать обсуждение национального вопроса вслед за решением неотложных политических требований: амнистии, отмены смертной казни, гражданского равноправия и демократических свобод.

Многие деятели национальных групп Думы рассчитывали на сотрудничество с общероссийскими оппозиционными силами для достижения национального равноправия и местного самоуправления. Так, депутат Харьковской губернии, профессор М. М. Ковалевский, выступавший от имени ингушей, указывал на полное отсутствие защиты прав различных национальностей. Он обозначил ряд задач для правительства: «прекратить бесправие, самосуд, междоусобие, дать возможность жить под равной охраной центральной власти» [18, с. 14-15].

Решение национального вопроса посредством национально-территориальной автономии и самоуправления входило в противоречие с идеями общегосударственными. На это расхождение обратил внимание саратовский депутат С. А. Котляревский. «Самое роковое, – говорил он, – это утрата идеи государственности, утрата сознания общности, участия отдельных классов, отдельных национальностей... в этих государственных целях» [19, с. 158]. В ходе обсуждения разница во взглядах сказывалась неоднократно. Предложение петербургского профессора Н. И. Кареева внести «в адрес выражения», которые указывали бы на «то, что Россия населена разными народами, которые имеют “свои” территории и “свои земли”, встретило возражения, и было отвергнуто Думой» [26, с. 236]. В целом большинство перводумцев были настроены на демократическое решение вопросов внутренней политики, в том числе правового положения народов.

Уже во всеподданнейшем адресе Думы в ответ на тронную речь императора было заявлено о готовности проявить заботу о широком удовлетворении справедливых нужд народов России: «Государственная дума

считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и решение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет собой государство, населенное многообразными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен, народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озабочится широким удовлетворением этих справедливых нужд» [2, стб. 241].

Хотя в адресе и содержались намерения добиться отмены национальных ограничений и сформулировать государственный порядок, основанный на принципах мирного сожительства всех народностей и классов, всеобщности выборов в Думу, однако способы достижения этих целей так и не были расшифрованы.

Политику кадетского большинства в I Думе, на которое возлагали большие надежды национальные фракции, отчасти разъяснил позднее П. Н. Милюков: «Вопросы национальные сами по себе грозили осложнить вопросы социальные и конституционные, составлявшие нашу главную задачу. Разница желаний и требований различных национальностей слились бы в общие формулы: я уже понимал, что это есть способ к повышению требований наименее готовых к “автономии” народностей» [20, с. 246]. За 72 дня работы I Думы национальная проблема многократно привлекала к себе внимание депутатов. Обсуждая программное заявление правительства в Думе 13 мая 1906 г., депутаты А. А. Ледницкий и М. М. Винавер были обеспокоены игнорированием властью самого существования национального вопроса и требований думского адреса о необходимости национально-религиозного равноправия.

15 мая 151 депутат Думы внес законопроект о гражданском равенстве, предлагавший отменить все «ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или другой национальности или вероисповеданию» [2, стб. 379]. Для кадетов решение этого вопроса имело принципиальное значение, так как «государство, построенное на неравноправии граждан, несет внутри самого себя семена вражды и разложения» [9, с. 113]. Основной докладчик – один из теоретиков конституционно-демократической партии депутат Ф. Ф. Кокошкин – подчеркнул вопиющее противоречие между демократизмом широких масс и законодательством, пронизанным неравенством по сословиям, а также национальному и религиозному признакам. «У нас существует, – весьма эмоционально говорил Ф. Ф. Кокошкин, – то чего не существует ни в одном культурном государстве мира. У нас существует средневековый варварский пережиток – ограничение прав отдельных национальностей или лиц отдельного вероисповедания...» [19, с. 162]. При этом в центре внимания оказался вопрос о национальных и вероисповедных ограничениях в положении евреев и мусульман.

Одной из основных форм привлечения внимания органов власти и общественности к конкретным проблемам национальностей стали думские запросы. В I Думе они принимались общим собранием без прений. Но большое число разнообразных запросов, иногда узких и частных, заставило депутатов передавать их для предварительного рассмотрения в комиссию 33-х по исследованию незаконных действий администрации. Если запрос признавался срочным, то его рассматривали общим собранием немедленно.

5 июня 1906 г. в Думу поступил запрос по поводу крупного конфликта между ингушами аула Яндырка Терской области и казаками Троицко-Карабулакской, Слепцовой, Михайловской, Самаринской, Асиновской, Нестеровской и Фельдмаршальской станиц. Разгорелся настоящий бой, в котором участвовало около 2 тыс. и прибывших на подмогу 3-х казачьих сотен, батальона пехоты и пулеметной роты. Погибло 5 казаков, 7 ингушей, 30 человек были ранены [2, стб. 1038]. По поводу Яндырских событий представители ингушей вручили свое послание депутату Думы от Харьковской губернии М. М. Ковалевскому. Заявление о запросе подписали кадеты, социал-демократы, трудовики. В ответ на запрос Думы военное министерство и главное управление казачьих войск 5 июля 1906 г. признали факт затяжных «неприятельных отношений» между казаками и горцами. При этом указывалось, что страшная взаимная вражда, по их мнению, питалась укорененными среди ингушей традициями грабежей, краж и т.д. [8, д. 360, л. 33-37]. На деле власть однозначно встала на сторону казаков, не пытаясь разобраться в сути конфликта и прекратить огонь. Неудивительно мнение ингушей, оглашенное на заседании Государственной думы по поводу указанного события: «Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить в конце» [2, стб. 1038]. Это подтверждается и мнением казаков, высказанным в прессе, что «им приказано бить ингушей, и за убийство им никакой ответственности не будет» [14, с. 436]. Акции карательного характера со стороны органов правопорядка лишь усиливали враждебность и агрессивность. Требовалась целая система не только политико-административных, но и социально-экономических мер для стабилизации обстановки в регионе.

5 июня 1906 г. на основании запроса по поводу Яндырских событий, а также в связи с трагическими армяно-азербайджанскими столкновениями 1905-1906 гг. было подано принятое Думой 13 июня заявление о запросе главе правительства. 20 июня 1906 г. поступило срочное заявление от депутата Н. Жордания (г. Тифлис), он зачитал полученную телеграмму из Тифлиса о начавшемся в Батуми погроме, спровоцированном убийством казачьего сотника. Запрос о мерах по предотвращению погрома был также направлен Председателю правительства [13, с. 98].

В ответе на запрос главы правительства М. Л. Горемыкина от 17 июня 1906 г. говорилось, что по действующему законодательству должность и власть наместника на Кавказе «поставлены совершенно самостоятельно», таким образом, правительство не имеет полномочий и необходимых данных для ответа на запросы Думы в отношении Кавказского края. Глава правительства сообщил, что думский запрос передан наместнику. Другими словами, правительство, во-первых, демонстративно игнорировало работу Думы, во-вторых, власть не замечала самого существования национального вопроса, в третьих, этот пример наглядно показывает проблему обеспечения согласованности в действиях всех звеньев бюрократического аппарата Российской империи в начале XX в., так как наместник подчинялся непосредственно царю, а правительство постоянно поднимало вопрос о целесообразности наместничества.

Все эти запросы, а также выдвинутые депутатами I-ой Думы законопроекты остались нереализованными в связи с роспуском 8 июля 1906 г. парламента.

Под влиянием изменения политической обстановки в стране и неудачного опыта I-ой Думы либеральные партии частично пересматривают свою предвыборную и парламентскую тактику. Становится ясным, что кадеты берут на вооружение лозунг «бережения» Думы, отказываясь от активных наступательных действий в парламенте.

Кадеты намеревались, создав компактное большинство, уделить основное внимание законодательной работе в области реформы местного самоуправления на широких демократических началах, аграрной реформе и расширению прав самой Думы. Однако пестрый состав депутатов затруднил осуществление этих планов. Кадеты смогли наладить более или менее прочное сотрудничество лишь с казачьей и мусульманской фракциями, но соглашения как с крайне правыми, так и социалистами и трудовиками не состоялось [25, с. 92].

Октябристы, напротив, окончательно определяют свое место как правительственной партии, продолжается их сближение с правительством П. А. Столыпина, с которым они связывают возможность проведения в стране умеренно-буржуазных реформ. В целях борьбы с революцией лидеры «Союза 17 Октября» считали возможным сотрудничество с правомонархическими и черносотенными организациями.

Депутатский состав II Государственной думы оказался еще более разнородным и многонациональным. До 90% депутатов Думы вошли в противостоящие правительству фракции, а 27 народов Российской империи имели своих депутатов общим числом почти 190 человек.

Все партии и движения, представленные в Думе, отмечали наличие неразрешенных проблем и противоречий в области национальных отношений и намечали меры по улучшению ситуации. Сложившиеся объединения партий и блоков в Думе являлись сложными конгломератами, и обсуждение ими любого вопроса, затрагивающего национальные проблемы северокавказского региона, достигало необычайного напряжения. Депутаты от Северного Кавказа считали, что проведение кардинальных реформ в политической, экономической и социальной сферах поможет избежать новых революционных потрясений в регионе. Их оппоненты настаивали на сохранении существующих законов вплоть до «полного успокоения» властями. Государственная дума, которая концентрировала в себе весь спектр общественно-политической жизни России, являла собой яркую картину борьбы классов и партий, концепций и взглядов по всем насущным проблемам страны, в том числе и по национальному.

Во II Думе противостояли друг другу два потока законопроектов, касающихся национального и регионального обустройства жизни Российской империи: первый – правительственный, ограниченный по направленности и узкий по содержанию (снятие части национально-вероисповедальных проблем), дополнявшийся массовыми полицейско-карательными мерами, и второй – думско-оппозиционный, предлагавший реальную демократизацию национальных отношений, введение национального и религиозного равноправия, расширение регионального местного самоуправления и развитие национальной культуры. Роспуск Думы не дал шанса своевременно реализоваться имеющимся в Думе законопроектам, касающимся национального вопроса. Противостояние парламента и самодержавного правительства вновь закончилось не в пользу народного представительства.

Опыт I и II Дум был признан в либеральной историографии, «безусловно, неудовлетворительным» [16, с. 3-5], хотя требовать от Думы чуда, как это делали массы, тоже было нельзя. Отсутствие других слагаемых правового строя, неизбежность ошибок самих думцев в силу неопытности и пестроты их политических ориентаций во многом определяли положение Думы. Бессилие было обусловлено не органическими недостатками или неудачным составом, а, наоборот, ее прогрессивностью, выходом за рамки остальных институтов государства, сохранившихся без изменения.

Главным пунктом деятельности северокавказских депутатов являлся аграрный вопрос, вокруг которого и развернулась их острая полемика. Но и этот вопрос депутаты не смогли решить. Закон о земле не был принят в связи с роспуском Думы.

Подводя итоги деятельности депутатов Северного Кавказа во II Думе, можно отметить, что они придавали особое значение разработке национальных проблем, обращая внимание парламента на неразрешенные противоречия в сфере национальных отношений и намечая меры по оздоровлению ситуации. Но демократический потенциал законодательных инициатив думцев оказался вновь нереализованным. Перечисленные выше законопроекты не устраивали правительство, ориентированное на стабилизацию политического режима после потрясений 1905-1907 гг. без каких-либо серьезных изменений.

Отказ от перводумской модели представительства и замена ее третьиоюньюской системой позволили власти временно создать иллюзию управляемости империи, а на деле способствовали стагнации всей политической системы, особенно в этнорегиональном аспекте.

Игнорирование в третьиоюньюской думской модели новых реалий поднимающегося национального движения, а также необходимости учета новых социальных и национальных сил, их представительства в общеперском парламенте и их активного участия в политическом процессе оставляло мало шансов на выживание созданной в 1905-1907 гг. политической системы империи.

Значительное уменьшение представительства от национальных окраин в Думе III и IV созывов по избирательному закону 3-его июня 1907 г. практически лишило северокавказских депутатов возможности влиять на ход думских дебатов. Для того чтобы быть услышанными, депутаты, представлявшие в Государственной думе нерусские народы и регионы, выработали новую тактику. Они использовали обсуждение вопросов и законопроектов, ставящихся правительством и крупными фракциями для выступлений со своей позицией, стремились вносить больше поправок, предложений и запросов. Так, например, члены мусульманской

фракции Х. Б. Хас-Мамедов, И. И. Гайдаров, Г. Х. Еникеев и депутаты от социал-демократической партии И. Я. Сагателян, И. И. Покровский 2-й, Н. С. Чхеидзе выступали с критикой правительственной национальной политики при обсуждении сметы Министерства народного просвещения [4, стб. 2448-2452, 2574-2588]. Именно состояние образования оставалось одной из острых проблем, непосредственно затрагивавших интересы и права национальностей. При обсуждении сметы Министерства народного просвещения на 1908 г. Н. С. Чхеидзе, в частности, указал следующие данные. На Северном Кавказе на одно начальное училище приходится на 3000 душ русского населения, 4800 – грузинского, 5400 – армянского, 17300 – азербайджанского населения и 11400 – горцев. Неотложные задачи расширения сферы образования народов Кавказа обосновал и депутат Х. Б. Хас-Мамедов. По его данным, в Бакинской губернии на 774 тысячи мусульман приходилось лишь 37 начальных школ, рассчитанных на 1690 детей, в Елисаветпольской губернии на 526 тысяч мусульман – 47 школ с 2200 учащимися. За 20 лет существования Эриванской семинарии ее окончили лишь 40 мусульман. Правительством не было создано ни одной начальной школы для мусульман [Там же, стб. 2377-2390, 2447-2452].

При обсуждении в III Думе закона о начальных училищах, выдвинутого октябристским большинством, депутат Х. Б. Хас-Мамедов, член мусульманской фракции, выступил против отнесения родного языка к изучаемым в инородческих школах лишь по возможности. Нужно отметить, что решение вопроса о предоставлении права культурного самоопределения был болезненным для «Союза 17 октября». Их понимание этой проблемы заключалось в том, что родной язык не может быть обязательным из-за пестрого национального состава учащихся и возможного нежелания самих учащихся и их родителей его изучать. Х. Б. Хас-Мамедов указывал, что такой довод неубедителен. При компактном расселении национальных групп возможно реальное открытие для них отдельных школ, а родители не могут быть против изучения их детьми родного языка [15, с. 70-78].

Член мусульманской фракции, депутат от Дагестанской области И. И. Гайдаров заявил, что законопроект комиссии направлен на превращение начальной школы в проводника русификаторской политики. Он внес уточнение: нельзя отдавать предпочтение государственному языку перед «природным», «материнским», как это делается в проекте. Законопроект был подвергнут критике по понятной причине – особая роль языка как основы развития любой национальной культуры, формирования нации, способа общения в государстве. Кроме того, задача формирования либерального мировоззрения предполагала пристальное внимание к постановке преподавания в школах, где язык являлся главным инструментом воспитательного воздействия.

Депутаты от Кавказа И. Я. Сагателян, И. И. Покровский 2-ой подчеркнули регрессивный характер проекта, его шовинистическую направленность. А Н. С. Чхеидзе указал, что возгласы большинства депутатов с мест об «инородческом засилье» рассчитаны на раздробление России и натравливание национальностей друг на друга. Он констатировал объективную закономерность стихийного добровольного усвоения народами империи русского языка и их сближения с русским народом.

Говоря о необходимости развития национальной культуры, депутаты от Северного Кавказа И. П. Покровский 2-ой, И. И. Гайдаров видели в качестве первоочередной задачи расширение прав языков коренных народов региона и развития национального образования. Стремление нивелировать национальную самобытность народов Северного Кавказа и по образцу преобладающей русской нации создать единый для всех национально-культурный тип привело к сокращению существующей в крае национальной школы и фактическому запрещению преподавания на родном языке. Подобная школьная политика вызывала резкую негативную реакцию среди населения Северного Кавказа и во многом способствовала усилению противостояния между окраинами и центром, наглядное представление о котором могут составить думские дискуссии по проблемам народного образования «инородческого» населения России.

В ходе обсуждения в Думе было внесено дополнение фракции октябристов о том, что «в местностях, в коих имеется нерусское население, обладающее своей письменностью, разрешается учреждение училищ с природным языком преподавания» [5, стб. 1236-1237].

Далее следовал перечень народностей, попадающих под эту статью. Мусульманская фракция внесла поправку в нее о замене слова «татарский» на «мусульманский» язык, обосновав это тем, что все мусульманские народы России говорят на различных диалектах одного тюркского языка и имеют единую арабскую графику письма. Поправка мусульманской фракции не прошла в Думе, но дополнение октябристов было принято.

Законопроекты «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» и «О начальных училищах» с существенными поправками и дополнениями были приняты III Думой, но не были одобрены Государственным советом. Российская империя не получила закона о всеобщем начальном образовании. Из всех крупных законопроектов по народному образованию Дума сумела провести через Государственный совет только один – «О высших начальных училищах» [22, с. 98].

При обсуждении этого законопроекта депутаты от Северного Кавказа внесли свои поправки о необходимости преподавания родного языка и религии для учащихся в этих школах. Поправки были отклонены большинством Думы.

Еще одной проблемой, поднятой депутатами от Северного Кавказа, были нарушения гражданских прав мусульманского населения, дискриминация по религиозному и национальному признакам. Дискриминация носила явный характер, когда запрещалось вести местное судопроизводство на родном языке. Смысл всех речей депутатов сводился к защите религиозной самобытности мусульман Северного Кавказа и к сохранению их бытовых и этнических особенностей. В III Государственной думе депутатами удалось провести поправку к закону о выборности председателя мирового суда и необходимости знания судьями местных языков (закон был утвержден императором 15 июня 1912 г.).

Первая мировая война, разразившаяся в 1914 г., стала для Российской империи пробой на прочность, которая оказалась выше ее сил. Поражения, которые нанесли Российской империи германские войска, привели впервые за последние три столетия к существенным территориальным потерям, а трудности военного времени обострили политическую, социальную и национальную напряженность внутри страны, что привело к взрыву в феврале 1917 г. Все думские фракции, исключая социал-демократов, в едином порыве поддержали самодержавие в этой войне до победного конца. Свое официальное заявление об отношении к мировой войне мусульманская фракция огласила на январской сессии 1915 г. В этом заявлении председатель фракции К. Тевкелев заверил, что мусульманское население окажет правительству всяческую поддержку, чтобы «довести до скорого и успешного конца настоящую грозную войну» [Там же, с. 205].

В октябре 1914 г. на стороне Тройственного союза в войну вступила Турция. На юге Российской империи образовался новый Кавказский фронт. Мусульманское население Карской и Батумской областей оказалось в зоне боевых действий и дислокации действующей русской армии. Те прославянские настроения и патриотический подъем, которые были характерны для русского общества перед Первой мировой войной, с началом ее переросли в шовинистический бум. Видимо, именно этими настроениями можно объяснить те жестокости и преследования, которым подверглись кавказские мусульмане со стороны своей же российской армии в тех областях, где проходил фронт. В связи с этим в Думе мусульманской фракцией было сделано заявление «По поводу положения мусульман на Кавказском фронте» [6, стб. 153-154]. Однако в связи с неудачами на фронте – весна-лето 1915 г. – и падением военно-патриотического энтузиазма национальный вопрос становится все более актуальным.

В 1915 г. члены мусульманской фракции совместно с латышскими, литовскими, эстонскими, армянскими и еврейскими депутатами выступили с заявлением об «обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия» и об отмене «в законодательном порядке всех ограничений, связанных с вероисповеданием или национальностью» [Там же, стб. 187].

Летом 1915 г. думские либеральные фракции выдвинули лозунг создания правительства, пользующегося доверием Думы. «Министерство доверия», которое предполагалось сформировать из чиновников-профессионалов и представителей либеральной общественности, должно было обеспечить победоносное завершение войны, а также осуществить ряд политических и социальных реформ, способных стабилизировать обстановку в стране и избежать новой революции. Для достижения этой цели в августе 1915 г. из представителей центристских фракций Госдумы и Госсовета был создан «Прогрессивный блок». В Блок вошли 236 из 442 депутатов Думы и три фракции Госсовета. Думская оппозиция включает в свою программу довольно умеренные требования: создание правительства «общественного доверия», частичная амнистия за политические и религиозные преступления, прекращение преследований за веру, отмена ограничений в правах крестьян и национальных меньшинств [12, с. 107-108]. Однако и «Прогрессивный блок» не был в состоянии решающим образом повлиять на внутривластный курс самодержавного режима, исчерпавшего потенциал более или менее эффективного управления страной. Это относится ко всем проблемам национальной политики, взаимоотношениям центра и национальных регионов.

Конфликт Думы и самодержавного правительства продолжал нарастать. Впрочем, и понимающие бесплодность думских речей оппозиционные депутаты не могли предложить ничего реального. Передавая слух, будто рабочие хотели идти к Думе и требовать, чтобы она объявила себя Учредительным собранием и назначила Временное правительство или диктатора, М. А. Караулов говорил: «Как горько ошибаются те, которые возлагают на нас такие надежды. Это из нашего-то состава выбрать диктатора? Это мы-то Учредительное собрание?». Но, предлагая перейти к делу, М. А. Караулов рекомендовал лишь создать разъездные думские комиссии для выяснения на местах причин экономической разрухи и ввести смертную казнь для спекулянтов [7, стб. 1385-1390]. Ответом власти были объявления о перерывах в работе Думы; последний указ о перерыве думских заседаний был подписан императором 25 февраля 1917 г.

Весьма показательной была позиция, занятая П. Н. Милоковым в Думе 27 февраля в связи с ее роспуском. По его собственному признанию, она была самой умеренной. После зачитания царского указа о роспуске перед думцами встал вопрос: как на него реагировать в условиях уже полным ходом идущей революции? «Были предложения, – свидетельствует П. Н. Милоков, – вернуться и возобновить формальное заседание Думы, не признавая указа (М. А. Караулов), объявить Думу учредительным собранием, передать власть диктатору (ген. Манюковскому), взять власть собравшимся и создать свой орган, во всяком случае, не разъезжаться из Петербурга» [21, с. 251].

27 февраля был образован Временный комитет Государственной думы по решению частного совещания членов Думы, собравшихся в Таврическом дворце. В состав Временного комитета, избранного после получения согласия на это председателя Думы М. В. Родзянко, по поручению частного Совещания совета старейшин вошли: М. В. Родзянко (председатель), И. И. Дмитрюков, М. А. Караулов, А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, В. Н. Львов, П. Н. Милоков, П. В. Некрасов, В. А. Ржевский, Н. С. Чхеидзе, С. И. Шидловский, В. В. Шульгин. 28 февраля комитет решил «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [24, с. 27].

В связи с этим М. А. Караулов внес предложение: «Совет рабочих депутатов надо арестовать. Если, господа, Государственная дума даст мне соответствующий мандат, то я со своими казаками это поручение исполню» [23, с. 104]. Однако парламент не решился дать санкцию на это предприятие.

Роспуск императором Государственной думы фактически был знаком неизбежности краха империи, а важнейшими линиями разлома огромной страны и ее власти неминуемо становились этнорегиональные границы.

«Центр» и «окраины» жестко противостояли друг другу; стремление власти к сохранению, а тем более усилению имперского в ущерб национальному ослабляло парламентаризм и в конечном итоге разрушило империю.

Резюме. Несмотря на краткий по историческим меркам срок деятельности Государственной думы, она оказала влияние на развитие политической культуры в стране. Миллионы людей стали избирателями, почувствовав свою причастность к государственным делам. Развитие законодательного процесса, когда подготовка и принятие законов перестали быть делом исключительно профессиональной бюрократии, а в обсуждение законопроектов постепенно вовлекалось все большее число людей, явилось неизбежным следствием политических перемен в российском обществе. Для северокавказских депутатов законодательная работа в Думе послужила незаменимой школой парламентской культуры. В дальнейшем многие из них приняли активное участие в политической жизни своих регионов. Характеризуя работу северокавказских депутатов, нужно отметить их высокую организованность, подготовленность в обсуждении вопросов, касающихся не только родного региона. В центре внимания депутатов от Северного Кавказа были вопросы национального равноправия, гражданских свобод, вопросы, связанные с региональным демократическим самоуправлением, политико-правового положения казачества и горских народов и мн. др. Государственная дума концентрировала в себе весь спектр общественно-политической жизни России, являла собой яркую картину борьбы классов и партий, концепций и взглядов по всем насущным проблемам страны, в том числе и по национальной.

Список литературы

1. Будилович А. С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907. 75 с.
2. Государственная дума. Первый созыв: стенографические отчеты. СПб., 1906. Сессия 1. Т. 1.
3. Государственная дума. Созыв 2: стенографические отчеты. СПб., 1908. Сессия 1.
4. Государственная дума. Третий созыв: стенографические отчеты. СПб., 1909. Сессия 2. Т. 1. Ч. 3.
5. Государственная дума. Третий созыв: стенографические отчеты. СПб., 1910. Сессия 4. Ч. 1.
6. Государственная дума. Четвертый созыв: стенографические отчеты. Пг., 1915. Сессия 4. Ч. 1.
7. Государственная дума. Четвертый созыв: стенографические отчеты. Пг., 1915. Сессия 5. Ч. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. ДП ОО. 2-е отд.
9. Гредескул Н. А. Проект закона о равноправии // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 2. С. 111-141.
10. Дарчиева С. В. Северокавказские депутаты Государственной Думы России (1906-1917 гг.). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 167 с.
11. Депутаты от Северного Кавказа в Государственной Думе Российской империи (1906-1917 гг.): энциклопедический справочник / авт.-сост. С. В. Дарчиева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 140 с.
12. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914-1917. Л.: Наука, 1967. 363 с.
13. Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных Думах России (опыт законодательства). М.: Русский мир, 1999. 520 с.
14. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / отв. ред. Л. А. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
15. Кавказские депутаты в 3-ей Государственной Думе. Баку: Тип. газ. Баку и Труженник Куинджи, 1912. 237 с.
16. Каминка А. И., Набоков В. Д. Вторая Государственная Дума. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1907. 318 с.
17. Кизеветтер А. А. Письма из Таврического дворца // Русская мысль. 1907. Апрель. Кн. IV. С. 190-199.
18. Ковалевский М. М. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава: Правда, 1906. 15 с.
19. Ледницкий А. А. Национальный вопрос в Государственной думе // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 1. Политическое значение первой Думы. С. 154-167.
20. Милоков П. Н. Воспоминания (1859-1917). М.: Политиздат, 1991. Т. 1. 442 с.
21. Милоков П. Н. Воспоминания (1859-1917). М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с.
22. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917 гг.: сб. документов и материалов / сост. Л. А. Ярмаева. Уфа: Китап, 1998. 384 с.
23. Сергеев В. Н., Шапсугов Д. Ю. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906-1917). Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2003. 511 с.
24. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 256 с.
25. Томсинский С. Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М.: Красная новь, 1924. 173 с.
26. Циунчук Р. А. Государственная Дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных политических элит // Исторические записки. М.: Наука, 2001. № 4. С. 192-254.

NATIONAL, SOCIAL, ECONOMIC AND POLITICAL ISSUES IN WORK OF NORTH CAUCASIAN DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF RUSSIA (1906-1917)

Darchieva Svetlana Valer'evna, Ph. D. in History, Associate Professor

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
svetik-dar70@mail.ru

The article is devoted to the activity of the North Caucasian deputies of the State Duma of the Russian Empire in the solution of the problem of nationalities. Having analyzed a large number of sources, the author comes to the conclusion about the high activity of the deputies of the I and II Dumas in the development of agricultural and confessional draft laws, as well as in the solution of the problems of national culture. However, the establishment of "the third of June" model of representation in the Dumas of the III and IV convocations led to the neglect of the need for national representation in the all-imperial parliament, which inevitably contributed to the stagnation and subsequent collapse of the entire political system.

Key words and phrases: The State Duma; deputies; The North Caucasus; Terek and Kuban regions; reforms; problem of nationalities.